

Светлана Волошина —

канд. филол. наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории историко-литературных исследований ИОН РАНХиГС, автор книг «Власть и журналистика. Николай I, Андрей Краевский и другие» (М.: Дело, 2022), «Утопия и жизнь. Биография Николая Огарева» (СПб.: Владимир Даль, 2016).
s.m.voloshina@gmail.com

«Красота доставляет ему лишний способ быть убедительным»: Николай I как царь-денди

Аннотация

Первенство императора Николая I располагалось не только во властной сфере, но и в сфере визуальной — конструирования и репрезентации особого образа, включающего и телесность, и вестиментарные практики, и знаковые поведенческие решения. Вопреки устоявшемуся образу сурового воителя, незаинтересованного в деталях костюма и вестиментарных излишествах, Николай I фактически следовал принципам и поведенческим практикам британского денди, с поправками на российский культурный и социальный контекст.

Император представляется трендсеттером своего времени (и пространства), денди, которому никто не мог в полной мере подражать и кого нельзя было полностью копировать.

Ключевые слова: Николай I; денди; вестиментарное поведение; власть и мода; XIX век; мундиры.

Первенство императора Николая I располагалось не только во властной, политической сфере, но и в сфере визуального, где (интуитивно и отчасти сознательно) им конструировался образ, включавший как телесность, так и вестиментарные практики и систему жестов и движений.

При этом в упомянутых сферах император ориентировался на уже существующие модели и образцы, дополняя и развивая их в соответствии со своими предпочтениями, характером и занимаемой вершиной социальной, политической и военной иерархии.

Вопреки устоявшемуся образу сурового воителя, не заинтересованного в деталях костюма и вестиментарных излишествах¹, Николай I фактически следовал принципам и поведенческим практикам британского денди, разумеется, с поправками на российский культурный и социальный контекст. «Любезничанье мундирами», доведенное царем до *plus ultra* (*фр.* — не дальше пределов, дальше некуда), пристальное внимание к деталям костюма — как мундира, так и штатского и как собственного, так и окружающих, суровые меры по отношению к нарушителям вестиментарного кодекса (чаще всего устанавливаемого самим царем), система жестов и манер, выстраивание сложных игровых конструкций в визуальном поле, вовлекающих наблюдателей и себя в роли наблюдаемого, мнимо не подозревающего о наблюдении, — эти и иные конструкты совпадают с характерными для денди.

Кроме того, усиленная забота о сохранении хорошей физической формы, следование гигиеническим стандартам, не свойственным большинству современников даже высшего привилегированного класса, увлечение спортом — все это во многом соответствует образу жизни денди первой половины XIX века.

Конечно, в случае Николая I дендистская иерархия и первенство в визуальной сфере усложняются (и умножаются) иерархией социальной и политической, где первенство царя не может быть дискутируемо. Кроме того, это первенство и власть давали императору возможность не только служить моделью и (часто недостижимым) образцом в поле визуальном и сарториальном, но и напрямую назначать определенные модели костюмов (в частности, мундиров) — как единственно приемлемые в окружающем его, императора, поле.

Безусловно, причисление Николая Павловича к числу денди, на первый взгляд, резко противоречит утвердившемуся в русской культурной истории образцу, привычно связываемому с личностью Петра Чаадаева и литературным персонажем Евгением Онегиным. Однако, как представляется, феномен денди не ограничивается набором визуальных и поведенческих характеристик светских, свободных от

службы и профессиональных обязательств мужчин. Более того: определенные, избранные черты денди могут быть «вплетены» в жизненный сценарий высшей власти и «работать» на ее образ².

* * *

Прежде всего при просмотре материалов о быте и обычновениях Николая Павловича обращает на себя внимание количество и разнообразие его мундиров, а также частая их смена (иллюстрации см. во вкладке 2).

Современник В. М. Шиман вспоминает, как «...любовался им (Николаем I. — С. В.) ежемесячно на разводах (их было в Институте (Институте Корпуса путей сообщения. — С. В.) четыре, а разводы с церемонией Государь делал только по воскресеньям) и на ежегодном весеннем, называвшемся Майским, но часто бывавшем в Апреле, параде. Каких только гвардейских мундиров я не видел за это время на Николае Павловиче, и все они шли к нему; что же касается до посадки его на коне, то такого молодца-кавалериста, несмотря на его мощную прямо богатырскую фигуру, редко можно было встретить» (Шиман 1902: 460–461).

Часть воспоминаний о детстве связаны у Николая Павловича с цветовыми и портновскими характеристиками мундиров, а также с прилагающимися к мундирам украшениями и знаками отличия. Уже в день восшествия на престол Павел I назначил четырехмесячного Николая шефом престижного лейб-гвардии Конного полка, «и его первые детские одежды шились из тканей цветов униформы этого полка» (Высочков 2003: 497).

«Пока я числился в Конной гвардии, я носил курточку и панталоны сперва вишневого цвета, потом оранжевого и, наконец, красного, согласно различным переменам в цветах парадной формы полка. Звезда Св. Андрея и крестик Св. Иоанна были пришиты к платью; при парадной форме — лента под курточкой, а иногда — супервест Св. Иоанна из золотой парчи с серебряным крестом под обыкновенной детской курточкой» (Николай 1906: 7).

В 1800 году Павел поменял «подшефные» полки Николая и старшего Константина: «Поздравляю, Николаша, с новым полком, я тебя перевел из Конной гвардии в Измайловский полк, в обмен с братом», — вспоминал «Николаша» слова отца (Там же: 6).

Далее Николай Павлович преумножал подшефные ему полки (и обмундирование) самостоятельно. После смерти брата Константина в 1831 году он вернул себе шефство над лейб-гвардии Конным полком. «В форме этого полка (серой шинели с бобровым воротником

и каской на голове) Николай Павлович изображен на картине Н. Е. Сверчкова в саях на Дворцовой набережной. В этом мундире он ездил на свадьбу к дочери П. А. Клейнмихеля, когда простудился. В нем же он был изваян бароном П. К. Клодтом на памятнике на Марининской (Исаакиевской) площади в 1859 году» (Высочков 2003: 498).

Мундиры с их цветовой и аксессуарной дифференциацией стали для Николая символическим языком, способом коммуницировать с подданными (в первую очередь — военными).

Так, вспоминая о 15 декабря 1825 года, офицер-преображенец описывает явление Николая Павловича ожидавшим его выхода «множеству генералов, флигель-адъютантов и других»: «...Вскоре я увидел вышедшего молодого императора в родном мне Преображенском мундире, которого до сего дня никогда на нем не видал (потому что он до сего дня носил всегда измайловский мундир, как шеф этого полка)» (Деменков 1877).

Выбор мундира был очевидным жестом благодарности: Первый батальон Преображенского полка первым же поддержал Николая Павловича накануне. Месседж с помощью мундира не нуждался в дополнительном пояснении, и «государь с многочисленною свитою отправился объезжать стоявшие уже в готовности войска, которые встретили его громким „ура“» (Там же).

31 декабря 1826 года Николай I посетил «торжество столетия Императорской Академии наук», при этом «внимательные зрители заметили, что Он в сей день изволил быть в мундире Преображенском, в мундире полка Петра Великого». Зрители, по-видимому, были исключительно внимательны и хорошо умели считывать послания и подаваемые властью знаки: в сноске к сообщению говорилось, что «29-го числа был в караул полк Преображенский. Сей случай был счастливым предзнаменованием для Академии, и предметом радостного восторга для всех присутствовавших» (Северная пчела. 1827. № 1. 1 января).

Меняя мундиры в зависимости от аудитории, с которой предстояло общение, Николай вел своего рода «хамелеонскую» игру, с одной стороны, становясь одним из подшефных, говоря на их языке, с другой — возглавляя их, делая неповиновение невозможным, а возможное предательство — еще более тяжким грехом, ведь к предательству официальному, государственному, добавлялось предательство своих, ближних.

В самых важных случаях Николай выбирал измайловский мундир (шефом этого полка он был почти с четырехлетнего возраста). В день декабрьского восстания он появляется именно «в мундире Измайловского полка с большою голубою лентою», «не набросив даже шинели, не смотря на сильный холод». Открыто демонстрируя

мундир, он напоминает как о власти, данной ему с младенчества над полком, так и сверхчеловеческой — над погодными условиями (Лакруа 1877–1878: 134).

Иногда смену мундира заменяет лишь напоминание о нем, которое действует не менее эффективно. В тот же день «...Император, подойдя к рядам конной гвардии, поздоровался с солдатами, которые ответили ему единодушными криками. Он спросил, признают ли они его своим государем; в ответ на это раздалось продолжительное „ура!“.

— Любезные товарищи, — воскликнул Император. — Я с удовольствием вспоминаю, что первый мундир, который я носил, был мундир вашего полка! Я чувствую, что могу рассчитывать на вашу верность, и что вы будете служить мне» (Там же: 145).

С измайловским мундиром связан и розыгрыш с переодеванием: «Когда в 1834 году для Александры Федоровны втайне от нее была построена в качестве подарка-сюрприза Никольская изба, то хозяйку домика встретил на пороге сторож-инвалид в форме Измайловского полка. Только присмотревшись, Александра Федоровна узнала в нем своего венценосного супруга» (Высочков 2003: 499).

Здесь Николай предстает анонимным воином-измайловцем, одним из многих: мундир заменяет имя и социальный статус, и только в финале происходит узнавание личности, сохраняющей, однако, знакомый с раннего детства мундир.

Описывая «принцип хамелеонства» в выборе одежды денди, О. В. Вайнштейн отмечает, что принцип этот позволял «искусно варьировать свой облик и манеры в зависимости от обстоятельств. Человек выступает режиссером своих собственных жизненных ролей и ведет себя согласно продуманному сценарию. Сценарий может быть рассчитан на эпатаж или на конформистское поведение, но существенно, что он задается не извне, а самой личностью (Вайнштейн 2005: 213–214).

Помимо упомянутых, Николай носил мундир Северского конноегерского полка (его шефом он стал в начале 1816 года), лейб-гвардии Саперного батальона и общий генеральский мундир с Андреевской лентой.

В том же исследовании о денди О. В. Вайнштейн упоминает характерное для России вестиментарное поведение щеголей-генералов: «Типичным для высших военных чинов было иметь по несколько мундиров и менять их на разных приемах во дворце и праздниках. Это называлось «любезничать» мундирами» (Там же: 499).

Причем «типичное» в этом случае вовсе не означало «всеобщее»: дендистские наклонности были далеко не у всех высших военных чинов. Так, например, А. С. Меншиков «в течение своей жизни был

известен на многих поприщах жизни. Из одиннадцати мундиров, право носить которые было ему предоставлено, он избрал и предпочитал морской, и носил его постоянно в Севастополе, когда был его защитником» (Пыляев 1898: 171).

Николай I как император мог носить мундиры любых полков и менять их так часто, как сочтет нужным, в зависимости как от события, в котором он принимал участие, которым руководил или режиссировал, или от запланированной цели коммуникации, требующей создания определенной «персоны». «Искусство одеваться согласно обстановке и желаемому сценарию обеспечивает запланированный эффект и отвечает принципу дендиистского хамелеонства» (Вайнштейн 2005: 215).

При этом российскими мундирами «любезничанье» не ограничивалось: у Николая были и прусский, и австрийский мундиры.

Николай I был назначен шефом 3-го (с 1819-го — 6-го) королевского прусского Бранденбургского кирасирского полка в апреле 1817 года. А. Х. Бенкендорф записал в «Воспоминаниях», как во время поездки в Пруссию в 1829 году он «принял парад прусского кирасирского полка, который носил его имя... Император надел форму, головной убор и кирасу этого полка и принял на себя командование». «Хамелеонство» было вполне оценено аудиторией, царь в прусском мундире действовал точно и вполне в соответствии с этой «второй кожей». «В течение часа он руководил маневрами полка так, словно всю жизнь только этим и занимался. Он отдавал приказания на немецком языке и ни разу не ошибся ни в одном из них. Полк и все присутствовавшие были восхищены и удивлены» (Бенкендорф 2012: 414).

Надо отметить, что ношение мундиров государства, чей лидер прибыл с визитом, или же назначение гостя-государя шефом того или иного местного полка, было принятым жестом любезности и гостеприимства. Так, например, во время въезда короля Пруссии в Москву в 1818 году «Фридрих-Вильгельм был в мундире шефа русского полка, с орденом Св. Андрея, а на мундире Императора (Александра I. — С. В.) был орден черного орла» (Лакруа 1877–1878: 22).

К стилистической и ситуативной «чистоте» мундира Николай I относился так же серьезно, как самый строгий денди — к стилистической «чистоте» своего и чужого костюма. Разница состояла в том, что денди сурово порицали портновские ошибки — в крое, цвете и нюансах пошива, например фрака, Николай же не менее сурово порицал ношение мундиров в неподходящей, профанной обстановке — например, на театральной сцене. Точнее, разрешалась демонстрация мундира лишь на актерам, игравшим положительных, идеальных персонажей пьес, но не на отрицательных и не в сатирическом контексте.

По воспоминанию Ф. А. Бурдина, «...насмешек над военным мундиром Николай Павлович не признавал даже в театральных постановках. Однажды один из его любимых артистов А. М. Максимов спросил императора: „Можно ли на сцене надевать настоящую военную форму?“ Государь ответил: „Если ты играешь честного офицера, то можно; представляя же человека порочного, ты порочишь и мундир, и тогда этого нельзя!“» (Бурдин 1886: 150).

Мундир как эстетический объект и его эротизация

Николаю Павловичу мундиры нравились не только как часть любимой с детства военной атрибутики или как свидетельство добрых отношений с государями других стран. Они явно привлекали его как собственно сарториальный, эстетический (и отчасти эротический) объект, нравилось их разнообразие, мельчайшие детали, идеальная посадка и подчеркивание мужской спортивной (или женственной соблазнительной) фигуры и само тело под мундиром. М. В. Сидорова пишет о большом количестве графических и акварельных зарисовок военных в разнообразных мундирах, сделанных Николаем Павловичем. Более того: именно благодаря рисункам великого князя до нас дошло единственное сохранившееся на сегодняшний день изображение мундира лейб-гвардии Дворянской роты (созданной в 1810 году из пажей, специально для службы князей Николая и Михаила Павловичей).

«В 1819–1821 годы великий князь рисует, а затем гравировывает в технике офорта образцовые изображения чинов лейб-гвардии Саперного батальона и лейб-гвардии Конно-пионерного эскадрона», а также создает серию гравюр (под руководством гравера Н. И. Уткина по рисункам А. И. Зауервейда «Обмундирование гренадерских войск») (Сидорова 2023: 656). Позже, в 1833 году, император инициировал изучение истории российской военной униформы (с описаниями и зарисовками мундиров и вооружения).

Интересна и определенная форма эротизации, которой Николай наделял «человека в мундире» и которую подчеркивал в своих рисунках. Щегольской «тренд» за время правления Николая I меняется: если в начале в мужской моде еще бытовали черты изнеженности, традиционно ассоциировавшейся с женственностью³, то «зрелый» Николай, искореняя эти черты в мужском костюме, наделял «мужественными» вестиментарными атрибутами и женские образы⁴, подчеркивая при этом анатомические особенности последних.

«Уже будучи императором, он исполнил серию рисунков, посвященных изображению женщин в парадной кавалергардской форме. Моделью для этих рисунков послужила императрица Александра Федоровна, назначенная 1 июля 1826 года шефом Кавалергардского полка. „Эскизы“ мундирного платья императрицы, выполненные Николаем Павловичем, сохранили всю точность и достоверность изображения деталей обмундирования и снаряжения кавалергардов в соответствии с уставными требованиями. Однако, со свойственным императору юмором, он изобразил супругу в военном мундире достаточно фривольно — ему явно нравилось придавать кирасе женские анатомические формы и подчеркивать фундаментальность нижней части тела, нарочито обтягивая ее лосинами. Собственное творчество так понравилось императору, что он повторял свои рисунки по несколько раз, изменяя ракурс модели, и изображая ее то в позе Венеры С. Боттичелли, то стоящей спиной к зеркалу, в котором хорошо отражались все аппетитные формы женской фигуры» (Сидорова 2023: 656–657).

(Возможно, впрочем, что подобные сочетания были свидетельством не «юмора» императора, а характерных для него эротических идеалов, — впрочем, в этом случае «фривольность» оставалась вполне в рамках семейных ценностей, так как объектом была жена рисовальщика.)

В своих андрогинных играх император пошел и дальше, поучаствовав в режиссуре «военизированной» части балета — искусства, где танцовщицы традиционно представлялись объектами эротизации со стороны зрителей-мужчин. Более того: в отношении танцовщиц, нарушивших военную дисциплину, Николай (шутливо) угрожал применением традиционных для армии наказаний. Судя по одобрительному тону мемуарной записки, автор (и часть современников) считывала агрессивно-эротический подтекст и сочувствовала ему.

«Государь очень интересовался постановкой балета „Восстание в серале“, где женщины должны были представлять различные военные эволюции. Для обучения всем приемам были присланы хорошие гвардейские унтер-офицеры. Сначала это занимало танцовщиц, а потом надоело, и они стали лениться. Узнав об этом, государь приехал на репетицию и строго объявил театральным амазонкам: если они не будут заниматься как следует, то он прикажет поставить их на два часа на мороз с ружьями, в танцевальных башмачках. Надобно было видеть, с каким жаром перепуганные рекруты в юбках принялись за дело; успех превзошел ожидания, и балет произвел фурор» (Бурдин 1886: 151).

Любопытно, что даже эта «фривольная» фиксация на деталях костюма и теле под ним, игры с визуальностью гендера отчасти роднят

Николая I с дендистскими же жестами: «иронический цинизм, маниакальная сосредоточенность на стиле и фигуре, холодность, эстетские позы, деланная небрежность, легкая „скользящая“ эрудиция, андрогинные игры» — всем этим отличались денди (Вайнштейн 2005: 21).

При этом и Николай, и денди ценили эффект «естественности»: костюм должен подчеркивать стройную мужественную фигуру, без всяких «мелких ухищрений» вроде толщинок и ваты. «Ведь когда Пелэм (образцовый денди, главный герой романа «Пелэм, или Приключения джентльмена» английского писателя Э. Бульвер-Литтона. — С. В.) заказывает себе фрак, он строжайшим образом запрещает портному подкладывать вату, хотя ему настойчиво предлагают „дать надлежащий рельеф груди, прибавить дюйма два в плечах... капельку поуже стянуть в талии“» (Там же: 353).

После первого осмотра Николая I замещающий привычного лейб-медика врач Ф. Я. Каррель в восхищении рассказывал М. А. Корфу: «Видев его, как все, в мундире... я всегда полагал, что эта высоко-выдававшаяся вперед грудь — плод ватки; ничего не бывало: теперь, когда мне пришлось подвергать Его перкуссии и аскультации, я убедился, что все это свое, самородное...»⁵

Возвращаясь к мужскому военному костюму и его эстетическим качествам, можно предположить, что более других Николаю нравился австрийский мундир — один из самых красивых (по свидетельствам современников⁶). Во время визита в Австрию в 1833 году «происходили смотры, охоты, дипломатические совещания... На одном из смотров он (Николай I. — С. В.) остался доволен ученьем уланского полка. По совету Меттерниха император Франц тотчас же назначил его шефом оногo. Государь выказал большую радость и пожелал иметь готовым мундир полка на другой же день. Желание его было, конечно, исполнено, и он в австрийской уланской форме сам прокомандовал полком своим на следующем смотре (Татищев 1889: 71–72). Меттерних даже в этой ситуации показал себя тонким дипломатом: заметив склонность Николая, он подал австрийскому императору лучшую идею подарка.

Позже, после участия России в подавлении венгерского восстания в 1849 году, Николаю I был пожалован чин австрийского фельдмаршала, и у него появился австрийский фельдмаршальский мундир.

«Одежда выступает как съемная личина, удобная маска, якобы обнаруживающая характер. На самом же деле опытный денди с помощью костюма умело манипулирует мнениями...» (Вайнштейн 2005: 215) — и в этом отношении Николай I был не просто опытным денди, а денди-стратегом.

Во время поездки в Англию в 1844 году царь признавался королеве, «что ему неловко во фраке, к которому он не привык. С военным же мундиром, — прибавил он, — он до того сроднился, что расставаться с ним ему так же неприятно, „как если б с него содрали кожу“» (Татищев 1889: 21). Можно предположить, что в этом случае опытный Николай I также манипулирует мнением, создавая (у английского двора, с которым отношения России традиционно непросты) образ прямого, чуждого светскому непостоянству и дипломатическим играм военного. Говоря о «мундире» в единственном числе, государь лукавит: мундиров у него было множество⁷, а с ними — и личин.

В развлечениях, непосредственно связанных с переодеваниями, — маскарадах — Николай чаще выбирал казачий мундир. По словам маркиза де Кюстина, «казацкая форма к лицу лишь очень молодым людям» (Кюстин 1996: 208), возможно, именно поэтому император выбирает ее для времени фривольного развлечения.

Первый секретарь французского посольства граф Рейзет вспоминал: «Император и наследник бывали совершенно запросто на маскарадах в Большом театре. Государь появлялся обыкновенно в казачьем мундире, который очень шел к нему. Он расхаживал взад и вперед в толпе, говорил, смеялся; маски интриговали его, толкали, как первого встречного, и никто, по-видимому, не обращал на него никакого внимания» (Граф Рейзет 1903).

Разумеется, при отсутствии масок у мужчин личность императора на маскараде не вызывала ни у кого сомнений, однако завсегда и неизменно включались в игру с не-узнаванием — одно из любимых «хамелеонских» развлечений императора.

Любопытно отметить, что маска императору была не нужна не только из-за традиций, предписывающих закрывать лицо в маскарадах лишь женщинам, но и из-за особенностей создаваемой и режиссируемой им социально-вестиментарной игры, связанной с переменным режимом «известность/инкогнито». В зависимости от выбранного государем костюма (и локации: например, Невского проспекта, определенных набережных) его следовало узнавать или не узнавать — и вести себя соответствующим образом.

Самой простой оппозицией к «официальному» царскому облику была солдатская шинель — неотъемлемая часть имиджа Николая I⁸.

Дневники и воспоминания современников царя изобилуют рассказами и анекдотами о Николае I, гуляющем по центральным улицам

Петербурга либо в одном из мундиров, либо — чаще — в простой шинели. Эти прогулки схожи с фланированием — вошедшей в моду формой городского досуга (например, герои гоголевской повести «Невский проспект» фланируют). «Фланирование или привычка к бесцельным прогулкам — устойчивый атрибут жизни дендистской молодежи и парижской литературной элиты» (Вайнштейн 2005: 306). Отметим: не только парижской и не только литературной.

Выбор шинели как одежды предполагал, что царь во время прогулки становится анонимом, которого никто не узнает, но который сам наблюдает за всеми. При этом наблюдаемые должны были выдерживать роль ничего не подозревающих подданных, и преждевременное «узнавание» царя каралось.

Так, например, мемуаристка А. Соколова рассказывает один из анекдотов о «васильковых дурачествах» царя: «Государь ежедневно прогуливался по Дворцовой набережной, посвящая этой обычной своей прогулке сравнительно очень ранний час... В 9 часов ровно он выходил из дворца и следовал по набережной, проходя ее во всю ее длину несколько раз сряду. И вот однажды, поднимаясь на мостик у так называемой Зимней канавки, — государь заметил идущую ему навстречу молодую девушку, скромно, но очень мило одетую, с большою нотной папкою в руках».

В следующие дни царь встретил ее еще несколько раз, познакомился с ней (та «не догадывалась вовсе, с кем она имеет дело, и принимала государя за простого гвардейского офицера»). В итоге царь-инкогнито договорился о свидании, однако бдительная служанка не пустила «простого офицера» в квартиру: молодая хозяйка ждала в гости императора (оказалось, что та прекрасно знала, с кем встречается, и явно спланировала и встречу, и знакомство, зная обыкновения царя). Николай I пришел в ярость и выругал авантюристку (Тарасова 2000–2002: Т. 2: 230–233).

Предположение, что жители Петербурга пребывали в неведении насчет анонимных прогулок царя, вряд ли верно: Николай обычно гулял по одним и тем же улицам, и маршруты его были известны. Так, в 1849 году М. А. Корф, решивший напомнить о себе царю, записывал в дневнике: «Государь продолжает нынче ежедневно гулять по Большой Морской, т. е. доехав до Вел. Княгини Марии Николаевны в санях, оттуда идет пешком вдоль по всей Морской, по солнечной стороне, до Невского проспекта, где поворачивает налево и через Дворцовую площадь возвращается домой. Все это делается непременно каждый день и непременно между 2-я и 3-я часами, так что

знающему столь же легко его встретить, как и избежать, чтобы не надоест беспрестанным попаданием на глаза»...⁹

Другой, менее сановитый мемуарист, свидетельствовал: «Его можно было встретить в разные часы дня на улице, вечером в театре и даже ночью в маскарade. Николай Павлович любил вечерние развлечения...

Редко пропускал он и маскарaды в Большом театре и Дворянском Собрании... Почти ежедневно, около 7 часов, в начале сороковых годов, он проходил пешком в Мариинский дворец, чтобы навестить свою старшую дочь герцогиню Лейхтенбергскую, а младшие, тогда еще незамужние дочери, Ольга и Александра Николаевны, приезжали с императрицей Александрой Федоровной в театр, где поджидал их отец» (Шиман 1902: 461–462).

«„Незаметная“ одежда во многом обеспечивала денди позицию власти: невидимый наблюдатель, следящий за поведением легкомысленно выставивших себя напоказ» (Вайнштейн 2005: 291) — и в этом сценарии Николай I совпадал с дендистской моделью. Фланируя по улицам столицы, царь — центр всех (потайных) взглядов — наблюдал за подданными, критически осмыслял их манеры и вестиментарное поведение и сурово наказывал тех, кто дурно себя в этом отношении вел. Большинство анекдотов с этим повторяющимся сюжетом заканчиваются «счастливо»: пристыженные нарушители визуальных правил милостиво прощались царем, чтобы более «не шалить».

Государь в штатском платье

Оппозиция «узнавание — незаметность» — основа общей для государя и денди сложно устроенной системы visibility/видимости его самого и наблюдения за подданными/соотечественниками — в одной из своих форм подразумевала переодевание царя в штатское платье.

Николай I облачался в штатское платье редко и в основном за границей. Этот костюм предполагал более сложный сценарий: после мистификации (царь сначала скрывал имя и статус) непременно следовало признание и открытие имени, при этом собеседник и наблюдатели при общении должны были ощущать необычность незнакомца, его отличие от простых смертных (по особому взгляду, изящным манерам, общему ощущению власти, исходящим от фигуры). Царь должен видеть отражение своего величия — как и денди! — «на лицах других людей. Они для него — зеркало» (Вайнштейн 2005: 87). В итоге хорошее зеркало награждается, дурное, то есть не признавшее, не отразившее царский статус, — порицается.

Так, во время визита (инкогнито) в Вену в 1835 году владелец лавки, не зная о приезде Николая, был тем не менее предельно вежлив — и заслужил подарок.

Более сложное взаимодействие взглядов и перформанс (не)узнавания сложились в 1845 году во время посещения Николаем I Дрездена.

«В Дрездене в это время находились кружки польских революционеров. Вследствие этого, когда Государь посещал город, тайные полицейские агенты ходили по его пятам, вызывая в нем сильное неудовольствие. Вследствие этого им приказано было не быть видимыми Государем (Тарасова 2000–2002: Т. 1: 367).

Описание (неузнанного) царя в Дрездене зафиксировано М. В. Станиславским со слов Генеля — «знаменитого художника-скульптора, профессора дрезденской академии».

Генель рассказывал Станиславскому, как увидел «...необычно рослого господина с поразительно характерными чертами лица, большим прямым носом и громадными голубыми глазами, смотревшими как-то спокойно величественно на все окружающее (здесь и далее курсив мой. — С. В.). Пораженный появлением столь импозантной, мужественной фигуры, я стал рассматривать незнакомца, в котором сразу можно было узнать знатного чужестранца. Без всякого признака тучности, шедший господин был, тем не менее, атлетического сложения, легкая походка свидетельствовала о громадном запасе жизненных сил, хотя по лицу можно было незнакомцу дать лет под 50. Одет был господин с изысканной элегантностью, но без малейшего намека на франтовство. На нем был синий, открытый спереди короткий сюртук, темно-коричневый шелковый жилет с вышитыми на нем цветочками и серые брюки; на голове имел он цилиндр, что увеличивало высокий его рост. В правой руке держал незнакомец тоненькую тросточку с серебряным набалдашником, а левая, одетая в перчатку, сжимала снятую с правой руки. Поравнявшись с незнакомцем, я только тут убедился, как высок был он ростом...

Особое удовлетворение испытывал я, когда видел, как прохожие останавливались и с нескрываемым удивлением провожали глазами громадного господина... Оглянувшись немного, господин направился прямо к кондитерской и кофейной Торниаменти...

Тем временем Николай Павлович заказал себе у пожилого кельнера холодный завтрак из разных сортов жаркого и полбутылки красного вина. В ожидании завтрака он попросил принести ему немецких и французских газет и углубился в их чтение. Этим моментом я воспользовался и набросал в своей книжке портрет его» (Там же: 367–369).

Здесь описание внешности, одежды и манер Николая Павловича соответствует всем основным характеристикам денди того времени. Непроницаемое, «закрытое для интерпретаций» лицо («Непроницаемость дает позицию власти, поскольку не позволяет догадываться об истинных намерениях человека» (Вайнштейн 2005: 145)), умение владеть своим телом, элегантность без «франтовства» и излишеств, модные аксессуары (трость), стройность и даже хороший рост. «Денди, виртуозно владеющий техникой элегантных жестов, по определению не может быть неуклюжим... Изящество его манер имеет физический эквивалент — точность движений» (Там же: 98).

Далее воспоминание и вовсе напоминает модный роман о денди: кельнер не принял щедрую оплату от Николая (русский полуимператор принял за «игральную марку»), и тайно следующий за русским императором инспектор в отчаянии ругал неразумного кельнера. Соблюдает император и основной принцип денди «сохраняя спокойствие, поражать неожиданностью». Оказывается, он прекрасно видел, что Генель делает зарисовки, и вежливо попросил показать ему получившийся портрет, после чего пригласил художника составить ему компанию в картинной галерее (Там же: 369–370).

В высшей степени Николая I владел еще одной дендистской техникой: взглядом — критическим, властным, оценивающим и тут же карающим недостойных («магнетический взгляд, что впивается в предмет, завладевший его вниманием» (Кюстин 1996: 210).

О «визуальных стратегиях» денди пишет неоднократно цитировавшая здесь О. Б. Вайнштейн: «инициативно-оценочный взгляд» иконы денди Джорджа Брайдана Браммелла воспринимался как сугубо „мужской“: колкий, быстрый, внешне небрежный, пронизывающий, острый, активный, фаллический...» (Вайнштейн 2005: 285).

В меньшей (то есть большей) степени то же можно сказать о взгляде Николая I — по словам современников, пронизывающем, суровом, перформативном¹⁰. Дочь императора, великая княжна Ольга Николаевна, утверждала: «Уважение, внушаемое им, исходило главным образом от его взгляда, который могли выдерживать только люди с чистой совестью; все искусственное, все наигранное рушилось, и всегда удавалось этому взгляду торжествовать надо всем ему враждебным» (Сон юности 2000: 237).

С упомянутым чуть выше Браммеллом Николая I роднит еще одна дендистская стратегия — суровая установка границ дозволенного и невозможного в вестиментарном отношении.

«Однажды один из его друзей, герцог Бедфордский, спросил мнение Браммелла о своем новом фраке. Как гласит легенда, великий

денди помолчал, пощупал ткань, подумал, велел герцогу повернуться для кругового обзора и затем медленно, растягивая слова, сказал: „My dear Bedford, do you call this thing a coat?“. „Мой дорогой Бедфорд, Вы это называете фраком?“ Герцог молча повернулся и пошел домой снимать фрак» (Вайнштейн 2005: 60).

Если Браммелл «как лидер моды был абсолютно уверен в своей привилегии давать правильные имена, видеть или не видеть по своему усмотрению, устанавливать культурные правила и категории», то Николай I также не сомневался в подобном праве, касавшемся в его случае не оппозиции безупречный стиль/вульгарность, а военный мундир/штатское платье (впрочем, в случае Николая вторая оппозиция имела значение первой: штатское платье часто воспринималось императором как проявления вульгарности и отсутствия вкуса). Важно отметить, что, несмотря на императорский статус Николая I, его запреты/разрешения на присутствие определенного костюма лежали не в сфере юридической, а в «серой» зоне своеобразного законодателя мод (хотя, разумеется, его социальный статус был весьма важен).

Н. А. Тучкова-Огарева в своих мемуарах пересказывает анекдот, рассказанный И. С. Тургеневым: «...Как-то случилось, что граф Т... оставил службу и взял отставку. Кажется, год спустя, находясь в Петербурге, Т... был приглашен к коротким знакомым на раут, куда и отправился в простом пиджаке. На его беду совершенно неожиданно явился туда и Николай Павлович... Завидя государя, граф Т... приветствовал его с замиранием сердца, чувствуя себя как бы виноватым перед государем за то, что находился в отставке. Николай Павлович отвечал слегка на его поклон и стал всматриваться в его костюм.

— Ah! mon cher T., comme vous voilà affublé! — сказал он с улыбкой, — comment appelez vous cela, — продолжал он, взяв его за рукав.

— Peatjack, votre majesté — отвечал Т...

— Comment? — переспросил Николай Павлович.

— Peatjack, votre majesté, — повторил Т... с сильным сердцембиением.

— Ce n'est pas mal, mais quelle différence avec l'uniforme militaire — сказал государь и проследовал дальше. („А, Т... — Как вы разделись! Как это называется?“ — „Пиджак, в. в.“ — „Как?“ — „Пиджак, в. в.“ — „Недурно, — но какая разница с военным мундиром!“).

Т... вздохнул всей грудью, надеясь, что его приключение окончено. Но походя немного и милостиво разговаривая с некоторыми лицами, Николай Павлович опять увидал неподалеку Т...».

Далее Николай I еще дважды подходит к несчастному Т. и спрашивает того о названии странной одежды, каждый раз переспрашивая:

запомнить нелепое слово («пиджак») для самодержца представляется невозможным.

В итоге «граф Т... поспешил оставить раут, обещая себе никогда не попадаться на глаза государю в злополучном пиджаке» (Тучкова-Огарева 1929: 475–476).

Щеголи в штатской или не соответствующей идеалу стиля одежде (с точки зрения самодержавного денди) нередко рисковали подвергнуться «шеймингу».

М. Д. Бутурлин (принадлежавший, по его словам, «к сторонникам» Николая I) считал подобные инциденты причудой, «слабостью» императора. (Автор записок был чужд обыкновениям денди, которые, «пользуясь своей ролью законодателей вкусов... безжалостно высмеивали неудачные костюмы» (Вайнштейн 2005: 21).)

«Прогуливаясь в 1839 году по Невскому проспекту, он (Николай I. — С. В.) наткнулся на одного молодого господина в длинных по плечам волосах и с козлиною бородою (что тогда почти официально было запрещено), в коротком по пояс плаще (à la Lucifer, как это называлось), или что-то в этом роде, и чуть ли не в остроконечной шляпе (en tête de sucre), словом картинка последнего французского журнала. Государь остановил его и спросил, как его зовут. „Верноподданный Яковлев“, — отвечал франтик, трясясь с ног до головы. „Садитесь со мною“, — сказал император, и затем повез несчастного в своей коляске во дворец, повел его к императрице и сказал: „Имею честь рекомендовать тебе верноподданного Яковлева“, и затем, заставив его повертываться на все стороны, чтобы явнее выказать его костюм, отпустил с миром» (Записки Бутурлина 1901: 416–417).

* * *

Описания черт внешности, манер и многих привычек Николая Павловича также нередко совпадают с дендистскими.

Таковы, например, активный, спортивный образ жизни и гигиенические привычки: «он был щепетильно чисто плотен и менял белье всякий раз, как переодевался. Единственная роскошь, которую он себе позволял, были шелковые носки, к которым он привык с детства», — вспоминала об отце великая княжна Ольга Николаевна (Сон юности 2000: 203).

Совпадают и мелочи¹¹, например частая смена перчаток («Истинный денди узнавался по чистым перчаткам: он менял их несколько раз в день. Верхом неприличия было протянуть для пожатия руку в несвежей перчатке» (Вайнштейн 2005: 19). Судя по записям

приходно-расходных книг, Николай Павлович расходовал «огромное количество перчаток. В сентябрьскую треть 1814 года было изготовлено для великого князя 113 пар перчаток, а в январскую треть 1815-го — 93 пары» (Высочков 2003: 499).

В дендистских категориях Николая I описывают большинство иностранных (британских в том числе) современников; им вторят и отечественные.

Так, во время его поездки в Англию (в 1816 году, еще в бытность великим князем) «его манеру держать себя» называли «чуждою принужденности и натянутости и все же полною достоинства». «В нем проглядывает большая самонадеянность, при совершенном отсутствии притязательности», а «леди Кемпбел, строгая и чопорная гофмейстерина принцессы Шарлотты», восклицала: «он дьявольски хорош собою! Он будет красивейшим мужчиною в Европе!» (Татищев 1889: 7–8).

Силуэт и профиль Николая вполне соответствовали эстетике античной скульптуры — идеалу для дендистского вкуса. «Быть похожим на греческих богов или героев считалось высшим признаком мужской красоты. Двое самых влиятельных денди могли похвастаться сходством с Аполлоном: говорили, что Байрон напоминает Аполлона чертами лица, а Джордж Браммелл — фигурой» (Вайнштейн 2005: 111). Врач Николая I Ф. Я. Каррель, осмотрев пациента, с восторгом восклицает: «...нельзя себе представить форм изящнее и конструкции более Аполлоново-Геркулесовской!»¹²

Мемуаристы писали о «греческом профиле» императора, о том, что красота его «облика» и лица «напоминала изображения героев на античных камнях», а «осанка и манеры... были свободными, но без малейшей кокетливости» (Дараган 1875).

Маркиз де Кюстин в одной из характеристик русского царя перечислил немало основных черт дендистского канона, среди них — «...его голос, властный и исполненный значительности, магнетический взгляд, что впивается в предмет, завладевший его вниманием, но зачастую становится холодным и застывает, — не столько из-за обыкновения скрывать свои мысли, ибо он откровенен, сколько из-за привычки сдерживать страсти; его великолепное чело, черты, в которых есть что-то от Аполлона и от Юпитера, его почти неподвижное, внушительное, повелительное лицо, облик, скорее благородный, нежели добросердечный, подобающий более статуе, чем человеку, — все это оказывает неодолимое воздействие на всякого, кто приближается к его особе» (Кюстин 1996: 210).

Описания Николая в расцвете сил свидетельствуют о том, что он вполне овладел дендистской манерой смотреть и держаться: «Император Николай Павлович был тогда 32-х лет, высокого роста, сухощав, грудь имел широкую... лицо продолговатое, чистое, лоб открытый, нос римский, рот умеренный, взгляд быстрый... Вообще он был очень строен и ловок. В движениях не было заметно ни надменной важности, ни ветреной торопливости, но была видна какая-то неподдельная строгость... В физическом отношении он превосходнее всех мужчин, каких только я видел в армии, и могу сказать поистине, что в нашу просвещенную эпоху величайшая редкость видеть подобного человека в кругу аристократии» (Записки Дубецкого 1895).

«Красота мужских ног высоко ценилась в обществе: это нередко служило темой для сравнений и комментариев, а для дам это был приятный повод безбоязненно сделать комплимент мужчине» (Вайнштейн 2005: 113). Высокий рост и длинные ноги Николая также были частым объектом для восхищения и комплиментов. Учитывая количество портретов, где император позировал в мундире с белыми рейтузами из лосиной кожи, можно предположить, что красотой ног — вполне дендистской «добродетелью» — он также гордился.

Лосины, как известно, надевались влажными: высыхая, они плотно облегли ноги владельца, часто причиняя тому массу неудобств. Так, Николай I после парадных выходов «по несколько дней должен был оставаться во внутренних помещениях дворца из-за болезненных потертостей на теле от форменной одежды» (Шепелев 2005: 131).

Можно предположить, что именно лосины послужили одной из косвенных причин смертельной болезни императора, так как в холодный январский день 1855 года он отправился на свадьбу дочери Клейнмихеля «в конногвардейском мундире с лосинами, не согревавшими достаточно ноги», но решил не переодеваться (лосины снимать и надевать трудно и долго). «Камердинер Гримм обратил внимание Государя на сильный мороз и советовал переменить форму. Пройдя проститься к Императрице и вернувшись, Государь сказал Гримму. „Ты правду говоришь. Проходя сенями по мраморному полу, я уже почувствовал, что ногам холодно, но теперь поздно переодеваться“. Возвратившись со свадьбы, он почувствовал озноб» (Тарасова 2000–2002: 390–391).

Таким образом, Николая I можно с осторожностью назвать уникальной *fashion victim*, жертвой если не моды, то красоты.

Впрочем, Николай Павлович славился (и гордился) равнодушием к изнеженности и избыточному комфорту, и сверхчеловеческое равнодушие к погодным условиям было частью его жизненного сценария. Современники нередко упоминают о его отличной физической форме

и страсти к военным и спортивным упражнениям на свежем воздухе¹³. Его дочь утверждала: «Во время маневров он мог беспрерывно оставаться восемь часов подряд в седле без того, чтобы хоть закусить чем-нибудь. В тот же день вечером он появлялся свежим на балу, в то время как его свита валилась от усталости» (Сон юности 2000: 203).

Несмотря на это (и на манифестируемый аскетизм и сдержанность в пище), Николай I столкнулся с проблемой многих денди после определенного возраста, утратой стройности, и предпринимал попытки борьбы с лишним весом — по крайней мере, стараясь уменьшить объем с помощью корсета. Корсет, бандаж или тугой ремень замечали внимательные современники, однако, судя по их записям, живот погрузневшего царя все равно был заметен. В 1839 году Астольф де Кюстин неодобрительно отмечал, что император «уже с юности взял привычку, вообще распространенную среди русских, туго утягивать живот ремнем; обыкновенно это позволяет ему выступать грудью вперед, однако не прибавляет ни красоты, ни здоровья; живот все равно выпирает и нависает над поясом» (Кюстин 1996: 162).

* * *

Итак, в своих бытовых привычках, манерах и приемах, визуальных жестах и вестиментарных практиках, а отчасти — жизненных сценариях — российский император Николай I следует дендистским моделям в гораздо большей степени, чем может показаться.

Дендизм его, разумеется, имеет заметный отпечаток российских социально-культурных и политических условий, в первую и основную очередь выражающийся в костюме «идеального денди» — военном мундире.

«Отношение к военному мундиру в России всегда было очень заинтересованным и даже любовным... Считалось, что военная форма была самой нарядной и привлекательной мужской одеждой. Все сказанное относится прежде всего к парадному мундиру, надевавшемуся в торжественных случаях и именно для этого предназначавшемуся» (Шепелев 2005: 128). Разумеется, в общих чертах это так, однако можно предположить, что к концу правления Александра I — вслед за устоявшимся имиджем царя — «ангела на троне» — бытовал и тренд на более мягкие, менее военизированные визуальные практики и большую свободу в штатских вестиментарных привычках.

В начале правления Николая I основные столичные улицы (прежде всего Невский проспект) населяли и новые, и «былые уличные оригиналы», чья внешность носила куда более изнеженный характер,

чем тот, что описывается как «street fashion» в эго-документах, например, 1840-х годов¹⁴. Цитирувавшийся выше Ф. Ф. Вигель (с сожалением) писал, что в первой четверти века «женоподобие не совсем почиталось стыдом, и ужимки, которые противно было бы видеть и в женщинах, казались утонченностями светского образования»: тренд, почти исчезнувший с правлением Николая I.

Возможно, Николай I не следовал в потоке уже существующего направления, определявшего военное поприще как наиболее предпочтительное для мужчин привилегированного сословия, а во многом способствовал его возрождению — по меньшей мере в визуальном и вестиментарном плане, ставя мундир в приоритетное положение перед штатским костюмом, даже если последний был копией французской модной картинки.

Таким образом, император был настоящим трендсеттером своего времени (и пространства), денди, которому никто не мог в полной мере подражать и кого нельзя было полностью копировать — хотя бы потому, что такое количество и разнообразие мундиров было доступно лишь царю.

Литература

Бенкендорф 2012 — Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837 / Публ. М. В. Сидоровой и А. А. Литвина; пер. с фр. О. В. Маринина. М.: Российский фонд культуры; Студия «ТРИТЭ»; Российский архив, 2012. С. 414.

Бурдин 1886 — Бурдин Ф. А. Воспоминания артиста об императоре Николае Павловиче // Исторический вестник. 1886. Т. XXIII. Январь.

Вайнштейн 2005 — Вайнштейн О. Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

Вигель 2003 — Вигель Ф. Ф. Записки: В 2 кн. М.: Захаров, 2003. Кн. 1. С. 156.

Высочков 2003 — Высочков А. В. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2003 (Жизнь замечательных людей: Сер. биограф. Вып. 861).

Граф Рейзет 1903 — Граф Рейзет в России в 1852–1854 гг. // Русская старина. 1903. Т. 115. № 7. С. 221.

Дараган 1875 — Дараган П. М. Воспоминания первого камер-пажа великой княгини Александры Федоровны. 1817–1819 // Русская старина. 1875. Т. 12. Апрель. С. 793.

Деменков 1877 — Деменков П. Четырнадцатого декабря 1825 года на петербургских площадях: Дворцовой, Адмиралтейской и Петровской // Русский архив. 1877. Вып. 11. С. 266.

- Записки Бутурлина 1901* — Записки графа М. Д. Бутурлина // Русский архив. 1901. Вып. 12.
- Записки Дубецкого 1895* — Записки Иосифа Петровича Дубецкого // Русская старина. С. 1895. Т. 83. Май. С. 87
- Карасев 1902* — Карасев А. Левый глаз императора Николая I // Исторический вестник. 1902. № 7. С. 107.
- Кюстин 1996* — Кюстин А. де. Россия в 1839 году: В 2 т. Пер. с фр. под ред. В. Мильчиной; коммент. В. Мильчиной и А. Осповата. Т. I / Пер. В. Мильчиной и И. Стаф. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.
- Лакруа 1877–1878* — Лакруа П. История жизни и царствования Николая Первого Императора Всероссийского; пер. с фр. [А. Смирнова]. М.: тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1877–1878.
- Леди Георгиана 2011* — Леди Георгиана Блумфильд. Из воспоминаний / Николай I. Портрет на фоне империи [сост., послесл., справ. аппарат С. Шокарев]. М.: Фонд С. Дубова, 2011. С. 391.
- Николай 1906* — Николай (император российский). Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно. Рукописный отд. собственных его величества библиотек Зимнего дворца. Шкаф М, полка 2, карт. 65, № 1992/а / [Сообщил В. В. Щеглов]. СПб.: изд. В. В. Квадри, 1906. С. 7.
- Пыляев 1898* — Пыляев М. И. Замечательные чудачки и оригиналы. СПб.: А. С. Суворин, 1898. С. 171.
- Сидорова 2023* — Сидорова М. В. О жандармах, императорах и изобразительном искусстве. Архивные заметки. СПб.: Алетейя, 2023.
- Сон юности 2000* — Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны 1825–1846 / Николай I: Муж. Отец. Император / [Сост., предисл. Н. И. Азаровой]. М.: Слово, 2000.
- Тарасова 2000–2002* — Николай Первый и его время: Док., письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и тр. историков / [Сост., вступ. ст. и коммент. Б. Н. Тарасова]. М.: ОЛМА-Пресс, 2000–2002.
- Татищев 1889* — Татищев С. С. Император Николай I и иностранные дворы: Исторические очерки. СПб., 1889.
- Тучкова-Огарева 1929* — Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания / Вступ. статья, редакция и примеч. С. А. Переселенкова. Л.: Academia, 1929.
- Шепелев 2005* — Шепелев Л. Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. М.: Центрполиграф, 2005.
- Шиман 1902* — Шиман В. М. Император Николай Павлович (Из записок и воспоминаний современника) // Русский архив. 1902. Кн. I. № 3.

Примечания

1. Этот образ царя из отдельных эго-документов и комментариев современников перешел в «общепринятый», почти мифологический.
2. Описывая внешность, манеры и обаяние власти, исходившее от Николая I при личном общении, Астольф де Кюстин писал: «Красота доставляет ему лишний способ быть убедительным, ибо красота эта в равной мере духовная и физическая» (Кюстин 1996: 213). Будучи изначально скептически настроен к русскому самодержцу, маркиз де Кюстин «был ослеплен» жестами императора, которые вполне входят в «дендистский канон». Впрочем, нельзя не отметить, что при этом письма маркиза (справедливо) произвели впечатление безжалостной критики как России в 1839 году, так и ее власти.
3. Здесь можно сослаться на Ф. Ф. Вигеля, вспоминая про время начала своей службы: «Жеманство, которое встречалось тогда в литературе, можно было также найти в манерах и обращении некоторых молодых людей. Женоподобие не совсем почитаюсь стыдом, и ужимки, которые противно было бы видеть и в женщинах, казались утонченностями светского образования». Далее же, по его наблюдениям и к его же неодобрению, появился и набирал силу «мужественный» тренд: «Истребляя между нашими молодыми людьми наружные формы, столь поносные, особенно для русских, нынешний век перенес их в другую крайность и мужественности их часто придает мужиковатость» (Вигель 2003).
4. Дочь императора Ольга Николаевна однажды наотрез отказалась надеть деталь мужского гардероба — мундирные брюки. На новый 1845 г. император назначил ее шефом 3-го гусарского Елисаветградского полка — к большой ее радости. «...Дядя Михаил провел передо мной моих гусар в их чудесной белой форме, с белым ментиком. Папа непременно хотел нарядить меня так же, включая расшитые чакчиры генерала. Я же протестовала против брюк, Папа настаивал на этом, и впервые в жизни он рассердился на меня. Наконец был найден выход: вышивка должна была быть нашита на мою верховую юбку; со всем же остальным, включая саблю, я согласилась». Важно отметить, что портрет дочери в форме елисаветградских гусар стал любимым для царя (Сон юности 2000: 306).
5. Дневник графа М. А. Корфа (автограф) за 1849 г. ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Ед. хр. 1817. Ч. 12а. Л. 49 об.
6. Так, например, леди Блумфильд в дневнике от 11 мая 1846 г. сделала следующую запись: «Мы поехали на блестящий бал у австрийского посла графа Коллоредо, на котором присутствовали государь и царская фамилия. Для почета кавалерам было предписано быть в парадных

- мундирах. Государь и великие князья были в австрийских мундирах, которые к ним гораздо больше шли и несравненно красивее генеральской простой формы, которую они обыкновенно носят, и государь был, если это возможно, красивее, чем когда-либо» (Леви Георгиана 2011).
7. Расходы на гардероб Николая I в 1826 г. (то есть с восшествием на престол и с появившимся правом носить любые мундиры) были значительны. «Так, портному Акулову было выплачено тогда 10 507 рублей 50 копеек, перчаточному мастеру Битнеру — 1610 рублей, ему же за эполеты — 1640 рублей, султанному мастеру Зонову — 100 рублей, шляпному мастеру в Варшаве Нейману — 35 червонцев (в переводе по тогдашнему курсу 416 рублей 50 копеек)» (Высочков 2003: 500).
 8. Старая шинель была «домашней» одеждой государя: и простая шинель, и мундир без эполет не несут никакой социально-иерархической атрибутики, и несут лишь основную функцию одежды — согреть и закрывать тело. По воспоминаниям великой княгини Ольги Николаевны, «его любимой одеждой был военный мундир без эполет, протертый на локтях от работы за письменным столом. Когда по вечерам он приходил к Мама, он кутался в старую военную шинель, которая была на нем еще в Варшаве и которой он до конца своих дней покрывал ноги» (Сон юности 2000: 203).
 9. Дневник графа М. А. Корфа (автограф) за 1849 г. ... Л. 66.
 10. Самым ярким свидетельством о пронизывающем взоре Николая I представляется рассказ А. А. Карасева об опыте его старшего товарища В. А. Митрофанова: «При всей моей смелости я не мог выдержать ужасного блеска его левого глаза, из которого ярко светился конец докрасна раскаленного гвоздя и прожигал мои глаза» (Карасев 1902).
 11. Порой эти мелочи вовсе не относились к вестиментарным или обще-визуальным практикам. Например, общей у Николая и денди (в основном бывших монархистами) была даже нелюбовь к французскому королю Луи Филиппу (взошедшему на трон во время революции 1830 г.). Так, Браммелл «Луи Филиппа считал выскочкой и не пошел на бал в честь его коронации. Когда его спросили, был ли он на балу, он сказал, что послал туда своего слугу и вообще не знает такого короля — „Вы имеете в виду герцога Орлеанского?“» (Вайнштейн 2005: 97). Нелюбовь Николая I к этому королю была общеизвестной.
 12. Дневник графа М. А. Корфа (автограф) за 1849 г. ... Л. 49 об.
 13. Ср.: «Самоограничение денди выражается в трех основных принципах. Во-первых, это необходимость быть в хорошей физической форме — иметь тренированное тело, соблюдать гигиену» (Вайнштейн 2005: 375).
 14. См., например: Пыляев 1898: 287.

